

ДВЕ ВСТРЕЧИ В ДОЛИНЕ МРОХАУН

Фантастический рассказ

Джип» остановился у большого термитника на окраине деревни Таунмьяин. Сержант побежал за водой. Вода кипела в радиаторе, и пар вырывался густыми рваными хлопьями. Мы замерзли в машине. Целый день «джип» крутил по горным дорогам, чуть не сталкиваясь на поворотах с переполненными синими автобусами и старыми грузовиками, груженными мандаринами и клубникой. Дороги пахли сосновой хвоей, мандариновыми корками, прелостью тиковых листьев и ветром, катящимся с синих гор.

Майор Львин подошел к термитнику и выбил о него трубку.

— Может, пройдем пешком, профессор! Погонщики должны ждать на том конце деревни.

Но мы не успели тронуться с места, как увидели широко шагающего шана в коричневых штанах. Голова его была обмотана, как тюрбаном, махровым полотенцем.

— Профессор Тейн Вин! Майор Львин! — сказал он. — Мы вас уже давно ждем. Районный комиссар звонил еще утром.

Шан оказался разговорчив и доброжелателен. Он провел нас в свой дом, ибо совмещал в одном лице почтальона, телеграфиста и местную власть.

— К нам редко гости приезжают, — говорил он по дороге, хмурясь на любопытных ребятишек, бежавших рядом. — Даже инспектор. А вашу машину мы заметили за перевалом. Здесь удивительная слышимость...

Парень, видно, учился в Мандалае, и ему хотелось говорить культурно с гостями из Рангуна. На него производил большое впечатление мой титул. Да и погоны майора тоже.

— Заходите. Жена подогревает мохингу¹. Вы, без сомнения, проголодались с дороги. Если не возражаете, к нам присоединится саядо². Правда, в монастыре всего три монаха,

¹ Мохинга — бирманский суп из лапши.

² Саядо — настоятель буддийского монастыря.

но монастырь древний. Говорят, еще сам Алаунпая, король, посетил его и сказал, что пусть здесь кончается дорога... Вот мы и живем с тех пор на конце света.

Шан рассаживал нас на многочисленных подушках. Я подумал, что эти подушки собирали со всей деревни и соседи нашего хозяина будут этой ночью спать на голых циновках. Но вслух я ничего не сказал. Нельзя было обидеть хозяина.

За дверью заурчал наш «джип». Вошел сержант и сел рядом с нами.

Миловидная шанка поставила перед нами по миске с вкусно пахнувшей мохингой.

Я почувствовал, что сильно проголодался.

По ступенькам на веранду поднялся старик в выцветшей тоге. Саядо. Мы поклонились ему. Саядо сел в сторонке. Я подумал, что если он даже и не очень строго соблюдает монашеский этикет, то все равно при нас не возьмет в рот ни крошки.

Некоторое время мы ели в почти торжественном молчании. Краем глаза я видел, как в задней двери сменялись любопытные лица. Девушки, позвякивая бусами, втихомолку разглядывали нас.

— Саядо видел сам, — сказал наш хозяин. — Он первым увидел.

— Я молился, — сказал саядо. — Я плохо сплю по ночам.

— Мы тоже увидели, — добавил хозяин. — Только потом. Стало так светло, что мы все проснулись.

— Но я увидел первым, — сказал саядо и сердито поднял темную руку, обтянутую чешуйчатой ящеричной кожей.

— И на что это было похоже? — спросил майор Львин.

— Это была рука Бодисатвы¹, протянутая к пагоде Пьяного духа.

— Как будто солнце упало на землю, — поправил его шан. — Очевидно, мы наблюдали падение большого метеорита.

Хозяйка дома принесла красный лаковый поднос с горой белого рассыпчатого риса. Саядо посмотрел на рис, и я могу поклясться, что в глазах его мелькнуло сожаление.

— Это была рука Бодисатвы, — упрямо повторил он. — Надо покрасить пагоду.

— И далека отсюда место падения! — спросил майор Львин, глядя прямо перед собой, чтобы не обидеть старика, но обращаясь, без сомнения, к нашему хозяину.

— До пагоды Пьяного духа миль двадцать. Она за лесоразработками. Только туда никто не ходит. Я сразу позвонил на пограничный пост. Они тоже видели, только издали. А потом мне сказали, что вы остановились в Лашио и выезжаете на машине.

— А как мы туда доберемся!

— Лучше было бы теперь покрасить пагоду. Небо недовольно нашей забывчивостью, — вмешался саядо.

Женщина поставила перед нами миски с мясом и перцем.

— Слоны уже ждут, — сказал шан. — На рассвете можно будет выходить.

¹ Бодисатва — одно из божеств в буддийской религии.

...Слоны шли по руслу почти пересохшей реки, и, когда один из них вступал в воду, следующий на мгновение приостанавливался, как бы выясняя для себя, достаточно ли надежно это место. Слоны давно знали эту реку и, видимо, привыкли не доверять ей.

Передо мной покачивалась спина погонщика, который сидел сразу за ушами слона и порой наклонялся к уху, будто говоря что-то.

На слоне впереди ехал Львин. На третьем — наш хозяин. Ему можно было бы и не сопровождать нас, но он считал участие в экспедиции частью своих обязанностей.

Мы задержались с выездом на полчаса, пока на слонов грузили припасы. Можно было подумать, что мы отправляемся в далекую экспедицию и не исключена возможность погибнуть от голода.

Сосны исчезли, как только мы спустились футов на пятьсот ниже деревни. Только видны были самые кончики их вершин на утесах. Вплотную к реке, к серым камням долины, подходили кущи бамбука, и изредка над водой нависал покосившимся столбом тиковый ствол. Громадные желтые листья тика вылетали по реке из леса и плыли перед нами, подпрыгивая на перекатах. Лес был сух, и цвет его, густо-зеленый у деревни, сменился на более жухлый, рыжеватый внизу. Дождей не было уже два месяца.

Лес, так густо населенный всякой живностью, таил ее от нас. Правда, пролетала несколько раз у самых моих глаз синяя птица майна, мы видели больших горных сорок да спугнули водяного ужа.

У моего погонщика голова была обмотана полоской тигровой шкуры.

— Здесь много тигров! — спросил я.

— Много, — односложно ответил погонщик.

— Этого ты убил!

Погонщик дотронулся до повязки и ответил:

— Нет, купил на ярмарке у знахаря. У меня голова часто болит. Это помогает... А тигр вчера подходил к деревне. Слоны волновались.

Снова пришла тишина. Ее нарушали только ворчание воды, редкий вздох слона да обрывки негромкого разговора, долетавшего спереди.

Места эти были мне знакомы. Когда-то очень давно, много лет назад, я шел по этой долине. Вернее, не по этой самой, но по такой же. Мы должны были встретить груз оружия для партизанского отряда, но так и не дошли до места встречи. У одного из поворотов ущелья нас ждала японская засада. Автоматчики спокойно вышли из-за скалы. Они не спешили. Нам все равно некуда было деться. Ущелье отвесно поднималось вверх, а бежать по руслу вверх под пулями японцев было бесполезно.

Да, это случилось почти в таком же месте. И я вдруг внутренне сжался от неясного ужаса, почти поверил, что из-за этого поворота выйдет капрал японской армии в розно сидящей на голове каскетке и скажет: «Руки вверх!» — на плохом бирманском языке.

Интересно, о чем думает сейчас майор Львин! Ведь он был в моей группе, мельчишка Львин, и мы вдвоем только и остались в живых...

Вчера, перед сном мы долго вспоминали, не у этой ли деревни чуть не расстались с жизнью! Но вспомнить было трудно. Да и не удивительно. Ведь прошло столько лет.

Привал шан предложил устроить на широкой, покрытой мелкой галькой отмели. Было тепло, почти жарко. Солнце, наконец, выпуталось из-за гор и пробудило к жизни мошек и оводов. Из-под холодных ветвей у воды вылетали большие кусачие комары. В лесу шумели птицы, и у самых моих ног большие желтые муравьи протоптали тропинку через всю отмель — за водой.

Я спросил стоящего рядом Львина:

— Помнишь, тогда, убежав от японцев, мы шли по лесу и мечтали, что, как только кончится война, мы с тобой обязательно вернемся сюда, в горы, и встретим ту девушку, которая дала тебе нож!

— Да, но партизаны, побывавшие потом в этих местах, рассказывали, что не нашли никого из жителей той деревни...

— А так и неизвестно, что стало с оружием. Может быть, его и не было, и мы зря рисковали жизнью!

— Нет, Тейн Пе не обманул бы нас. Просто японцы оказались хитрее.

— Давайте поедим, а потом двинемся дальше, — сказал подошедший к нам шан. — Надо добраться до пагоды Пьяного духа прежде, чем стемнеет.

— Здесь были японцы! — спросил его Львин.

— К нам они почти не заходили. А вот в деревне по ту сторону долины у них был сторожевой пост. Старики рассказывают легенду про одну девушку из той деревни, только я ее не помню в подробностях. Мо Нга, кажется, знает.

— Мы хотим ее услышать, — сказал Львин.

Видно, голос его изменился, и потому шан взглянул на майора с удивлением. Мало ли легенд рассказывается в этих краях! Но шан позвал маленького пожилого погонщика с острыми скулами на круглом морщинистом лице.

— Гости хотят услышать легенду о девушке, которую могучий дух взял на небо. Ты знаешь!

— Конечно, знаю.

Львин закурил. Он редко курит перед едой.

— В годы войны в деревню на той стороне долины пришли японцы. И вот однажды недалеко они поймали партизан и привезли в свой дом. Затем они стали выводить партизан по одному на площадь и перед всей деревней допрашивать. Если партизан молчал, его убивали. И они молчали. Только к вечеру японцы приказали жителям разойтись. Самуран уже убили пятерых, но двое еще оставались в доме.

А ночью к пленным пришла Ма Ко Джи и дала им нож. Партизаны убили часового и убежали. Солдаты рассвирепели. Они

хотели всех убить в деревне, но жители ушли в горы. А Ма Ко Джи, чтобы отвлечь японцев, сделала так, что они увидели ее. И повела самураев за собой. Они догнали ее у пагоды Пьяного духа и уже окружили ее, как с неба пришел могучий дух и сжег их своим лучом. А девушку взял на небо. Вот и все. Люди верят в это.

Тем временем погонщики приготовили обед, и мы сели вокруг расстеленной на камнях циновки.

Но мне не хотелось есть. И странное дело, хотя я тогда и не видел девушки, сохранились в памяти лишь шепот в темноте, блеск лезвия и тень в дверях, — теперь вдруг показалось, что я ее разглядел, и, больше того, успел полюбить, и любил все эти годы.

Львин молчал. Я понимал его. То, что рассказал погонщик, уже не имело к нам отношения. Даже если это та самая девушка, которая и передала нам нож, то судьба ее все равно принадлежала уже сказкам и легендам. Пусть простые люди думают, что могучий дух взял ее живой на небо. Она этого заслужила!

А когда мы возобновили путь и мерное покачивание слоновьей спины помогло мне успокоиться, мысли мои оказались заняты, казалось бы, бессмысленной, но очень важной для меня проблемой: справедливо ли, оправданно ли погибла та девушка? Нет, я думал не о справедливости нашей войны за свободу, а о том, оказались ли мы, майор Львин и я, достойными той жертвы, которую принесла эта девушка, девушка, которую мы в суматохе долгих лет почти забыли. Что сделал я! Кого я спас и кому помог! Может, справедливее было бы, если бы погиб именно я, а та девушка дала бы жизнь новым людям, полезнее меня и, может быть, умнее.

Итак, в раскаянии, печальный, все вспомнивший и осудивший себя за те дни и месяцы безделья и ошибок, которые теперь казались мне преступлением, я не заметил даже, что караван наш остановился на поляне у облезлой пагодки на высокой платформе. Пагодка, формой своей относящаяся не ранее чем к восемнадцатому веку, вряд ли видела многих посетителей за последние годы. И саядо был прав, когда говорил о том, что ее надо бы покрасить.

Мы были у цели нашего путешествия. Где-то здесь, неподалеку, упал позавчера ночью болид, на поиски которого мы направлялись.

День кончался. Я подошел к пагодке. Если верить легенде, здесь японские солдаты настигли девушку, спасающую нас, двух партизан, двадцать лет назад. И если для наших спутников пагода эта была только олицетворением легенды, для нас с Львиным она вдруг оказалась частью нашей жизни.

Рядом довольно пыхтел слон, подтягивая хоботом вершину тоненького деревца; о чем-то шумно совещались погонщики.

— Мы уже много лет не бывали в этих местах, — сказал шан. — Но мы думаем, что надо идти дальше, к Круглому озеру. Болид летел с востока на запад. Дальше пойдем пешком, если вы не устали. Мы успеем пройти с милю, прежде чем стемнеет. Потом вернемся. Погонщики приготовят лагерь. А как следует поисками займемся завтра. Подождите, я только договорюсь с погонщиками.

Шан отошел, а я присел на край платформы.

Плиты, из которых она была сложена, растрескались и разошлись. В трещинах выросли трава и даже несколько кустов. Я машинально потянул за вершину один из кустиков, который корнями пытался разломить ветхую платформу.

Кустик поддался и вылез из трещины, цепляясь корнями за камень. Я отряхнул землю с корней и подумал было, что кустик надо пересадить, чтобы он не погиб, как из сплетения корней выпало что-то блестящее. Это была золотая серьга. Обычная серьга из дутого золота, которые делают в Лашию и продают на ярмарках в горных деревнях. Я вздрогнул.

— Может быть, это она потеряла серьгу! — раздался над моим ухом голос Львина.

Он и шан стояли рядом со мной.

— Мало ли кто из паломников мог забыть серьгу, — сказал шан.

— Серьги не забывают. А потерять их нелегко. Да и какие здесь паломники!

— Ну что ж, пойдем дальше! Или, может быть, отложим на утро!

— Нет, нет. Конечно, сейчас.

И мы пошли по поляне к темнеющему впереди лесу. Споров оставили. Им нелегко пробираться по лесу, по камням.

Мне трудно было сосредоточиться на том, что мы ищем болид. Казалось, мы идем рядом с девушкой, погибшей двадцать лет назад.

В горах темнеет быстро. Наверно, в долине еще светило солнце, но здесь, в низком сухом лесу, усыпанном листьями и украшенном редкими орхидеями, сумерки подкрались незаметно, и в тот момент, когда мы увидели среди выжженных пожаром стволов продолговатое металлическое тело, темнота с размаху накрыла долину своим пологом.

На какое-то мгновение мы остановились. Мы ожидали всего что угодно: увидеть воронку от метеорита, увидеть каменную глыбу, врезавшуюся в почву, увидеть раскиданные огнем и бурей деревья... Но не металл, покореженный при ударе о землю.

Мы стояли, глядя, как темнота съедала очертания небольшого сигарообразного тела, и мысли мелькали у нас в головах

с такой поспешностью и сумбурностью, что ни остановить их, ни привести в порядок не было никакой возможности. Первым опомнился шан. И его трезвый ум подсказал нам решение, до которого не додумались ни я, ни Львин, одурманенные верооятной сказочностью нашего открытия.

— Смотрите, — сказал шан. — Спутник упал. Интересно, американский или русский?

Ну конечно, он прав. Это спутник. Никакой не космический корабль, как померещилось мне (а наверно, и Львину) в обманчивых сумерках.

Шан достал электрический фонарь.

Мы подошли поближе.

И даже при слабом свете фонаря сразу поняли, что все мы не правы. Никакой это был не корабль из космоса и даже не спутник. Это был разбившийся «спитфайер», от которого сохранился только покореженный фюзеляж. Видно, пока он падал, пробиваясь сквозь деревья и скалы, то потерял плоскости и стабилизатор.

Да, сомнений не было. Луч фонарика, обежавший поляну, обнаружил в нескольких десятках ярдов разбитый мотор и обломки крыла, заросшие кустами.

— Но ведь он упал не вчера. — В голосе шана слышалось искреннее изумление.

— Нет, очень давно. Наверное, даже в войну.

Львин подошел поближе, нагнулся и поднял заржавленный и забитый землей ствол ручного пулемета.

— А вчера ночью болид, пролетев здесь и упав неподалеку, сжег заросли. Сжег и обнаружил трагедию военных лет. Посветите-ка сюда...

Луч фонаря забрался внутрь фюзеляжа и осветил среди пучков проводов, изогнутых листов алюминия и разбитых ящиков с ржавыми частями винтовок белый череп.

— Я знаю, кто это, — сказал Львин.

Я тоже уже знал. Это был тот самый самолет, который мы должны были встретить на Круглом озере и не встретили. Вот оружие, которое так ждали в нашем отряде.

— Мы вернемся сюда завтра. Попытаемся найти какие-нибудь документы. И заодно продолжим поиски болида, — предложил шан.

Мы не спорили. Да и что искать в такой темноте!

Может быть, час, а может, и больше пробирались мы обратно к лагерю. Все молчали. Весь день сегодня нас преследует прошлое. Двадцать лет молчало оно и вдруг ожило, вдруг позвало нас.

Наконец лес кончился. Впереди у скал виднелся гостеприимный костер. Темная громада шарахнулась от меня, перепугав до полусмерти. Это слоны паслись на опушке леса.

В тишине ночных гор были слышны голоса у костра. Там угадывались тени наших спутников. Мы прибавили шагу, рискуя поломать ноги. Нам не терпелось вернуться к сегодняшнему дню.

— Стой, — вдруг прошептал Львин. — Вы слышите!

Мы остановились. Среди голосов у недалекого уже костра

послышался женский голос. Это было невероятно! Нет, это не показалось. Все трое слышали его. С минуту мы стояли, прислушиваясь. Да, без сомнения, погонщики принимали гостей. Вот слышен мужской голос. Он высок и странен. Как будто говорящий не очень хорошо знает бирманский язык.

А когда мы подошли к костру, то зрелище, увиденное нами, предстало настолько невероятным, что мы не решились сразу приблизиться.

Погонщики и в самом деле были не одни. Рядом сидели еще двое мужчин и женщина.

И непонятное чувство, которое раньше вселило в меня уверенность, что золотая серьга была потеряна у пагоды именно нашей спасительницей, подсказало мне, что это она сидит у костра. Не правда ли удивительно! Ведь я ее никогда не видел, да если бы и видел, забыл бы за двадцать лет. Но все-таки не ошибся. Это была именно она.

Лицо ее, широкое, смуглое, было серьезным, но большие глаза улыбались. Одежда, тонкая и переливающаяся в неверном свете костра, была соткана не здесь, не в горах. И может быть, даже не на Земле. И в этой мысли уверили меня ее спутники. Мужчины были одеты, как и она, в переливающиеся ткани, но не одежда, а лица их говорили о том, что на Земле они — гости.

Нет, я не почувствовал ужаса или отвращения к гостям. Казалось, что от них исходит спокойная уверенность и доброжелательность. Я не знаю, улыбались ли они, когда увидели нас выходящими из темноты, но мне показалось, что улыбались. Да и достаточно было взглянуть на проводников. Горцы сидели у костра как ни в чем не бывало и потягивали чай.

— А вот и они, — сказал один из проводников.

— Извините за вторжение, — сказал один из гостей. — Мы думали, что встретим всех вместе, а оказалось, вы отправились нас искать. Мы завтра с утра отлетаем в Рангун, но сначала выполнили обещание, которое много лет назад дали Ма Ко Джи — спуститься на Землю в том самом месте, где встретили ее...

А остальное рассказала нам сама Ма Ко Джи, девушка, которая спасла нас двадцать лет назад.

Легенда оказалась правдой или почти правдой.

Гости с далекой звезды, о которых вы, уважаемый читатель, знаете не меньше меня, которых видели и по телевизору и в кино. А может быть, и встречали, если вам посчастливилось быть в Рангуне в прошлом году, впервые прилетели к нам в 1944 году.

Но когда они подлетели к Земле, то увидели, что идет большая война. Они тогда еще не знали, кто прав и кто виноват в этой войне, и решили не высаживаться на нашей планете.

На последнем обороте вокруг Земли они пролетали над Шанскими горами. И тут они заметили, как в лесу разбился самолет. Тот самый, к которому шли мы с Львиным. Гости спустились рядом, надеясь помочь людям. Но было поздно. Экипаж самолета погиб. День они провели неподалеку, а потом уже собрались улететь, чтобы никогда не возвращаться на

злую планету, как увидели девушку, за которой гнались вооруженные люди. Гости пожалели девушку и помогли ей скрыться от японских солдат.

Так Ма Ко Джи оказалась на их корабле.

Она пришла в себя, понемногу научилась языку наших гостей, многое рассказала им. Она хоть и была простой девушкой из шанской деревни, но ходила в школу и умела читать. Она даже читала газеты и знала, почему началась война...

А вернуться наши гости смогли только через двадцать лет. Они надеялись, что за эти годы на Земле многое уже изменилось, и знали, что люди не так жестоки, как им показалось в первый прилет. С ними вернулась и Ма Ко Джи.

Так мы и встретились с прошлым. И оно уже стало нашим будущим. Ведь вы, наверное, слышали, что мой внучатый племянник улетает на корабле гостей.

Перевел с бирманского
Кир. БУЛЫЧЕВ

